

HARLEQUIN®

087

L

Лиз Тайнер

АМА

СЕРДЦА

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Исторический роман – Harlequin

Лиз Тайнер
Дама сердца

«Центрполиграф»

2017

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Тайнер Л.

Дама сердца / Л. Тайнер — «Центрполиграф»,
2017 — (Исторический роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08110-0

Неудавшийся брак родителей и постыдные факты из жизни семьи, попавшие в бульварную прессу, отвратили Лили Хайтауэр от мысли о замужестве. Выбрав участь старой девы, она решительно отвергает предложение живущего по соседству титулованного аристократа Эджворта, хотя с детства питает к нему симпатию. Застенчивая Лили бесконечно далека от светской суеты, да и неподобающее происхождение не позволяет ей занять высокое положение в обществе. А главное, Лили мучают угрызения совести, ведь однажды она невольно стала причиной несчастий семьи Эджворта. Но остановит ли это решительного герцога, если в дело вмешается любовь?..

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-08110-0

© Тайнер Л., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Лиз Тайнер

Дама сердца
Роман

Посвящается моим кузенам

Liz Tyner
The Wallflower Duchess
A Novel

* * *

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Иллюстрация на обложке используется с разрешения Harlequin Enterprises limited. Все права защищены.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании лицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

The Wallflower Duchess Copyright © 2017 by Elizabeth Tyner

«Дама сердца» © «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

Пролог

Юный Эдж приподнял подбородок и ощутил порез, который получил во время своей первой попытки побриться. Когда он рассказал отцу, откуда взялась эта рана, ему наказали никогда больше не прикасаться к бритве. Но в один прекрасный день он станет герцогом Эджвортом – и тогда никто не посмеет указывать ему, что делать!

Голоса его родителей, сливаясь, звучали фоном, пока он занимался математикой. Ему нравилась математика – как и то, что родители уделяли особое внимание его подготовке к будущему.

Отец сидел за другим столом, а мать, что-то прочитав у него из-за плеча, вернулась в свой уголок для вышивания.

Тишину нарушил голос герцога:

– Младшая мисс Хайтауэр?

– Такая славная девчушка! – Мать удобно устроилась на стуле и погрузилась в вышивание.

– Только не старшая, – вставил отец. – Вечно она хмурая.

– Старшая – это Лили. – Поворчав из-за неудачного стежка, мать ослабила его с помощью иглы. – И она не хмурая. Скорее задумчивая.

– У этой девочки прекрасные манеры, но в герцогини она не годится, – заметил герцог.

– Она слишком серьезна. – Не поднимая глаз от вышивки, мать водила иглой по ткани. – Но я не сомневаюсь, что она превратится в красавицу. Из самых несимпатичных детей вырастают самые привлекательные люди, и, положив руку на сердце, я не видела ребенка некрасивее Лили. Огромные глаза, костлявые тоненькие ручки – раньше она напоминала мне замороженную голодом мышь. Но сейчас она обрела человеческий облик, да и косметика творит чудеса.

Герцог постукивал подушечками пальцев друг о друга.

– Раз ее отец живет по соседству, было бы проще остановить выбор на младшей из девочек. Но я не уверен... У них такая мать...

– Это не означает, что дети будут такими же. Младшая – послушная девочка. Делает только то, что велит ей старшая сестра.

– Послушная, – кивнул герцог, и Эдж поднял взгляд, успев заметить, как отец подмигнул матери. – Никогда не слышал, чтобы ты говорила, будто герцогу нужна послушная жена.

– О, вне всякого сомнения. – Она встала и направилась к выходу из комнаты. – Жаль, что твоя мать не говорила тебе этого.

Отец тихо засмеялся и похлопал по бумагам на столе.

– Тогда решено. – Он взглянул на сына. – Что ты думаешь о младшей мисс Хайтауэр?

– Она – ребенок. – Лорд Лайонел все решал свои арифметические задачи. – Маленькие девочки не могут выходить замуж.

– Она вырастет, – ответил отец. – Выбирая ее в столь юном возрасте, мы можем повлиять на то, чтобы она получила образование и воспитание, подходящие герцогине. Как только я сообщу ее отцу, что ты интересуешься ею, он позаботится о том, чтобы ее растили надлежащим образом. Этот человек понимает ценность светского общества, даже если сам принадлежит к нему лишь отчасти.

Лайонел пожал плечами. Может быть, когда-нибудь он и женится на мисс Хайтауэр, но это явно произойдет не сейчас. В конце концов, женятся одни старики. Им будет как минимум лет по двадцать пять. Возможно, по тридцать. Да, в тридцать он сможет сделать предложение старшей мисс Хайтауэр, потому что к тому моменту будет слишком старым, чтобы привередничать.

И она не казалась ему похожей на мышь, но даже если и так, его это вполне устраивало.

В прошлую среду, когда он делал уроки в саду, мисс Лили окликнула его и присела в реверансе. Никто и никогда еще не приветствовал его так, и Лайонел кивнул ей, точно так же, как обычно делал отец в похожих ситуациях. А потом Лили попросила его поиграть с ней в куклы. Он отказался, хотя это было гораздо заманчивее учебы. И тогда она обозвала его лордом Болваном. Тут же появилась гувернантка, строго отчитавшая ее, и мисс Лили поспешила домой.

Лайонелу было жалко ее. Он как-то услышал, что говорили о ней его родители, – на этом фоне прослыть болваном было не так страшно.

Он точно не знал, кто такой болван, но в любом случае к таковым не относился. В конце концов, он собирался стать герцогом, как и его отец, а с герцогами все вокруг держались любезно. Это негласное правило никогда не нарушалось.

Его младшие братья сказали, что никогда не будут называть его Эджвортом, потому что это – имя отца.

Зато пообещали, когда Лайонел станет герцогом, величать его Никчемным Эджвортом. Мать услышала это и пристыдила их. Она успокоила Лайонела, объяснив, что им придется вести себя почтительно, иначе это плохо отразится на всей семье. Они принадлежали к сословию пэров. И должны были помнить об этом всегда.

Глава 1

– Ваша светлость! – Голос камердинера прозвучал громко, словно камень, упавший в колодезь.

Герцогу Эджварту не хотелось просыпаться. Он работал до глубокой ночи, пытаясь разобраться в запущенных бухгалтерских книгах.

– Ваша светлость, – повторил Гонт, лишь немного понизив голос. – Ваша светлость.

Эджворт открыл глаза, главным образом для того, чтобы убедить Гонта: его хозяин еще жив.

– Да, – пробормотал Эджворт, приподнимаясь. Головокружение чуть не отбросило его обратно на кровать. Боль почти поглотила его.

Гонт заговорил тише, словно опасаясь, что громкий голос навредит Эджварту. Герцог стиснул зубы. Он был жив. Жив. Он уцелел дважды. Сначала чуть не утонул, потом оказался в огне. Год начался не лучшим образом.

– Я разбудил вас потому, что...

– Да? – Ну почему этот камердинер так медлит! Деликатность Гонта раздражала донельзя, лишний раз напоминая герцогу, что еще совсем недавно он был на волосок от смерти.

– Вас желает видеть какая-то женщина. Вам наверняка будет интересно. – Гонт церемонно сжал руки.

Эдж оттолкнулся, преодолевая боль, и сел, опершись на спинку в изголовье кровати, а потом поставил ноги на пол и поднялся. Источавшая запах серы примочка, которой Гонт, похоже, пытался задушить его, по-прежнему лежала у раковины. Эдж показал на примочку, резким жестом приказывая ее убрать.

Гонт подхватил тряпку двумя пальцами и отвел в сторону, подальше от герцога.

– С посетительницей осталась экономка. По настоянию дворецкого, – сообщил Гонт.

Экономка никогда не встречала посетителей, а то, что дворецкий приставляет к ним кого-то, было и вовсе неслыханно.

– Мы решили, что лучше не оставлять эту женщину одну, – добавил Гонт. – Мы не могли выпроводить ее восвояси, поскольку она настаивает, что у нее есть новости о какой-то вашей родственнице из загородного имения, отправившейся к праотцам.

– Настаивает?

– Ей действительно известно имя вашей родственницы. – На лице Гонта не дрогнул ни один мускул.

Прошагав к раковине, Эдж сбрызнул лицо водой. Ожоги ослабили его, но не сказались на умственных способностях. Да и Гонт знал генеалогическое древо Эджа гораздо лучше его самого.

– Почему у нее не попросили визитную карточку и не спровадили?

– Я отделаюсь от нее. – Камердинер помедлил, покашляв. – Она одета в черное. С головы до ног. Лицо закрыто. В руке – носовой платок. Жалобно всхлипывает. Я думал, будет лучше, если вы сами решите, как поступить. Что-то в ней кажется... знакомым.

– Я разберусь с ней. – Эдж уже сомневался в том, что болезнь не затронула его рассудок.

– У нее нет экипажа, – добавил Гонт. – Даже верховой лошади.

– Ее сопровождает служанка?

– Она одна.

Эдж покачал головой. Это походило на шутку, которую мог выкинуть его кузен Фоксворти. Подослал какую-нибудь распутницу с заданием соблазнить его, а сам ждет где-то у дома с компанией друзей, заключивших пари о том, скоро ли эта женщина выйдет. В прошлом Фокс

уже выкидывал нечто подобное – и не один раз, – но ему стоило знать, что с Эджем такие номера не пройдут.

Уж он-то, Эдж, покажет Фоксу, что достаточно окреп и оправился!

Когда Эдж вошел в гостиную, взгляд экономки метнулся от рыдающей женщины, сжимающей носовой платок, к нему.

Герцог помедлил, восстанавливая в памяти траурные наряды, которые когда-либо видел. Увы, он так и не смог вспомнить никого, кто был бы одет подобным образом, буквально во все черное, исключая лишь вуаль над шляпкой, сквозь которую проглядывало немного желтой тесьмы.

Одежда женщины составляла полноценный ансамбль, не махрилась, не выделялась потертыми швами, и все же наряд явно был не новым. В каждой руке женщина комкала по носовому платку, то и дело поднося тот, что бы зажат в правой ладони, к заплаканному лицу под вуалью.

– Кто-то скончался? – мрачно спросил Эдж.

– Да. Я могу поговорить с вами об этом с глазу на глаз? – Вуаль затрепетала от мягкого, бархатистого голоса. Сладкого голоса распутницы. Что ж, Фоксворти заплатит за это!

Экономка еще крепче обняла посетительницу.

– Нет, – отрезал он.

Пальцы женщины вспорхнули, чтобы приподнять край вуали. Но незваная гостья тут же передумала.

– Расскажите мне свои новости, – предложил Эдж. – Мне не хотелось бы задерживать прибывшего с поручением горюющего человека, в то время как он мог бы найти утешение у себя дома, в окружении любящих близких.

Она громко выдохнула и сильнее сжала руки.

Потом быстро поднялась:

– Ваша светлость, с прискорбием сообщаю вам о кончине шестиродной сестры вашей матери, леди Камберсон.

Эдж застыл на месте, не в силах собраться с мыслями. Леди Камберсон умерла несколько месяцев назад. Он вздохнул.

– Леди Камберсон скончалась? На какой-то миг я забыл, о ком идет речь. Славная, милая женщина. Примерно такого роста. – Он показал чуть ниже своего плеча. – Святая женщина. Седая.

Леди Камберсон была самой высокой женщиной, которую он только видел, обладала вульгарным чувством юмора и черными как смоль волосами.

– Нет. Довольно величавая. Темные волосы. И, наверное, у вас есть основания считать ее святой, но я бы так не сказала.

Он помедлил, узнавая голос. И лишь усилием воли сдержался, чтобы не среагировать.

Лили? Лили Хайтауэр? Фокс ни за что не осмелился бы подослать ее. У него не было ничего общего с такими женщинами, как Лили. И когда только у нее появился такой чувственный голос?

– Не могли бы вы задержаться и рассказать мне о ее последних днях? – Эдж повернулся, отпуская экономку, и та поспешила удалиться. Оставшись с Лили наедине, он напрямик спросил: – Зачем вы устроили весь этот маскарад?

Она приподняла вуаль настолько, что Эдж смог увидеть подбородок, хорошо очерченный рот, тут же приковавший все его внимание, и карие глаза. Он глотнул.

– Я не могу прийти к вам открыто без ведома моего отца. И не могу дожидаться возвращения вашей матери из имения, чтобы притвориться, будто навещаю ее, в надежде, что вы случайно зайдете и у нас, может быть, получится поговорить несколько минут с глазу на

глаз... – Она покачала головой, словно разгоняя туман в голове. – Я понятия не имела, как поступить, особенно если бы вы не выздоровели в ближайшее время.

– Признателен вам за беспокойство о моем здоровье.

– Конечно. – Голос Лили сорвался, и она опустила на лицо вуаль. – Я слышала о вашем несчастном случае – боже мой, еще одном, – а потом узнала, что вы вернулись в Лондон, вас привезли на телеге, и мы не знали, выживете ли вы. Моя семья была бы убита горем, если бы...

– Ваша семья... была бы убита горем? – Он не поверил своим ушам.

– Разумеется, все мы.

Вуаль снова приподнялась. Все еще комкая платок, Лили двумя пальцами приподняла ткань, и на него пристально взглянули темные глаза. А потом вуаль плавно опустилась.

– Я опасалась худшего, но ваша мать провела меня к изголовью вашей кровати. – Ее голос дрогнул. – Вы выглядели... Но после этого вы быстро пошли на поправку.

Он отмахнулся:

– У меня было два варианта, и я решил, что этот – лучший.

– Это было ужасно – видеть вас в таком состоянии!

В памяти смутно всплыл голос матери, умолявшей не умирать в его день рождения, но Эдж решил не заикливаться на этих воспоминаниях.

– Ваша светлость, – тихо произнесла Лили, и он наклонился вперед, чтобы расслышать ее. – У меня камень с души упал после того, как вы пришли в себя.

– Вот если бы я очнулся и обнаружил, что я – это мой кузен Фоксворти, точно ни за что не пришел бы в себя, – пошутил он, желая придать разговору легкомыслия.

Он смолк в ожидании, наблюдая за ее реакцией. Вуаль взлетела вверх.

– Было бы досадно умереть после того, как вы наконец-то доросли до своих сапог. – Голос Лили снова обрел силу.

– Что, простите?

– Ваши сапоги. Помнится, много лет назад я смотрела на них, когда вы делали уроки на свежем воздухе. Создавалось ощущение, будто кто-то взял вас за уши и вытянул вверх, прямо от отворотов сапог до подбородка. Теперь все пропорционально.

– Благодарю вас.

– Я действительно считала вас довольно симпатичным – до того дня, как по вашей вине свалилась с дерева.

– Я помешал вам разбиться насмерть.

Эдж помнил, как это было нелегко. Однажды она полезла за бумажным змеем, запутавшимся в маленькой наполовину сломанной ветке около верхушки дерева. Он закричал на Лили, чтобы та остановилась. Но она полезла еще быстрее.

Эдж рванулся вперед, оказавшись у ствола вовремя, чтобы успеть схватить ее за лодыжку, но Лили крепко вцепилась в ветку и попыталась высвободить ногу. Тогда Эдж спокойно объяснил, что достанет змея другим способом. А она наверняка сломает ветку, если наляжет на нее всем весом.

– О, – промолвила Лили, подняв взгляд и прищурившись.

Эдж отпустил ее лодыжку, решив, что Лили все поняла, но она тут же рванула еще выше, к следующей ветке. Он схватил ее за шнурок туфли, и, потеряв равновесие, Лили упала прямо на него. Эдж приземлился на спину, смягчив для нее удар. Она с размаху шлепнулась ему на живот, и ее тщедушная фигурка врезалась в него как булыжник. Эдж лег на землю, пытаясь глотнуть воздуха и глядя на змея, весело трепетавшего наверху.

Взвизгнув и подпрыгнув, Лили устала на Эджа. Судя по всему, она ударила лицом. Эджу уже доводилось видеть разбитые губы, но не у маленькой девочки.

– Ты болван! – бросила она, пронзив его гневным взглядом.

Болван? Он уставился на нее. Болван? Похоже, маленькие девочки ругались не так, как все остальные.

– Ты болван. Это из-за тебя я упала.

– Ты...

Эдж собирался снова объяснить, что она могла упасть с более высокой ветки и он просто не смог бы ее подхватить, но кровь на ее лице заставила его замолчать.

Лили коснулась рукой губы, потом опустила пальцы и, увидев кровь, издала ужасающий вопль. И прежде чем Эдж успел встать, умчалась к своему дому.

Позже он замечал тонкий, как ниточка, шрам у ее рта. С возрастом шрам скрылся за яркостью губ, но Эдж всегда мог разглядеть его. Только теперь ее рот прятался за вуалью. И это его раздражало.

– Вашу гувернантку следовало тогда наказать, – заметил Эдж.

– Миссис Смит была милой, чудесной гувернанткой. В отличие от той, что пришла ей на смену. По-моему, я еще вполне сносно отделалась.

– Конечно. Вы не должны прятаться от меня. – Эдж многозначительно посмотрел на черную ткань.

– Я и не прячусь. Проявляю сдержанность, – повысила тон Лили.

– Тогда говорите тише. – Он придвинулся ближе и осторожно приподнял ткань вуали, удерживая ее между ними как занавесу.

Он посмотрел на уже не прикрытый шрам на манящих губах, потом – в карие глаза и вдруг почувствовал себя юнцом – что было странно, ведь он никогда, даже в детстве, не ощущал ничего подобного.

– Почему вы здесь? – Эдж произнес это отчужденно, хотя в глубине души ждал, что Лили признается, как сильно хотела видеть его.

– Эдж, – строго произнесла она и запрокинула голову. Ткань выскользнула из его пальцев.

Лили обратилась к нему уменьшительным именем, которое его братья и кузены стали использовать после кончины старого герцога. Это было гораздо лучше, чем именоваться болваном.

– Я надеялась подловить вас в саду, чтобы перекинуться словечком, но... – осеклась она.

Нахмурившись, Эдж кивнул. Он не был на солнце с тех пор, как получил ожоги. Он едва мог двигаться, и ему было не до прогулок. Эдж отложил отъезд из города на лето, решив подождать перемен в своем состоянии. И подумал, что, если умрет, кто-нибудь другой позаботится о доставке его тела к фамильному склепу.

Лили отвернулась. Эдж улыбнулся про себя. Она хотела скрыть выражение лица, словно он мог хоть что-то рассмотреть под этой вуалью!

Его взгляд скользнул по ее плечам, опустился ниже... И в это мгновение Эдж осознал, что Лили стала Лиллианой. Дыхание перехватило, и он поспешил уставиться на стену.

– Вы – человек решительный. Вы всегда делали то, что от вас требовалось, и на вас лежит множество обязанностей... Одна – в особенности.

– Что вы имеете в виду?

– Только вы можете ответить на волнующий меня вопрос.

Он окинул ее взглядом:

– Так вы здесь, чтобы задать вопрос?

Она повернулась и снова приподняла вуаль, посмотрев ему прямо в глаза.

– Я не знала, как сформулировать это письменно, к тому же записка могла попасть в чужие руки. Поэтому ничего не оставалось, как приехать к вам лично. Гораздо проще откровениться от сказанного, чем от написанного. – Она понизила голос. – А еще мне хотелось лично убедиться, что вы поправились и встали на ноги.

Эдж сидел, не шелохнувшись, а перед его мысленным взором стояла маленькая девочка, во все глаза смотревшая на него, пока он делал уроки на свежем воздухе. В то время он быстро понял, что достаточно лишь выразительно посмотреть на нее, что-то резко буркнуть, и она засмеется и убежит обратно к своему дому, оставив его наедине с его книгами на оставшуюся часть дня.

– О чем же вы хотели меня спросить? – промолвил он.

– Вы собираетесь делать предложение моей сестре?

Ощущение ударившего в живот булыжника вернулось. Эдж подался вперед, пристально глядя на нее:

– Что, простите?

Его замешательство тут же сменилось гневом.

– В самое ближайшее время, – добавила она.

– Я и не думал об этом, – резко бросил он.

– Вы чуть не умерли, – осуждающе произнесла Лили. – Целых два раза. И что бы с ней тогда было? Она не становится моложе.

– Как и все мы.

Искорки вспыхнули в ее карих глазах.

– Я надеялась, тот факт, что мы знаем друг друга долгие годы, позволит вам оценить мою честность и понять мое беспокойство за сестру. Я думала, мы с вами не чужие друг другу люди.

– Так и есть. – Его взгляд снова скользнул по ее рту. От верхней губы тянулся тот самый крошечный вертикальный шрам, едва толще ниточки и заметный лишь вблизи.

Она растерялась и коснулась изъяна обтянутой черной перчаткой рукой:

– С этим я похожа на пирата.

– Отнюдь. Я могу разглядеть шрам лишь потому, что знаю, где искать.

Ее глаза посерьезнели.

– Так вы собираетесь свататься к моей сестре? Мне нужно знать.

– Зачем?

Эдж покачал головой. А он-то думал, что эта чепуха с его интересом к ее сестре давным-давно утихла. Это была идея отца, а сам Эдж никогда не поддерживал подобных разговоров. Никогда. Он знал, что время от времени, когда он собирался провести день дома, его мать приглашала сестер Хайтауэр на чай. Впрочем, когда он не уезжал по делам, мать частенько зывала на чай молодых незамужних девушек.

Вопрос Лили о женитьбе не вызвал ничего, кроме раздражения. Эдж пропускал мимо ушей, когда мать сыпала перед ним именами потенциальных невест, но Лили следовало быть благоразумнее.

– Понимаете, я ведь чуть не умер, – вскинул подбородок он. – Мне было как-то не до раздумий о браке.

– Но теперь-то вы полностью выздоровели. Не так ли? – Она взглянула ему в глаза.

– По крайней мере, я жив, – ответил Эдж, хотя это наверняка волновало Лили только в том, что касалось ее сестры.

– И это еще одна причина для брака. – Она с надеждой воззрилась на него.

– Но если бы я умирал, какая разница, есть у меня жена или нет?

– Это было бы важно для вашего рода и женщины, желающей обрести семью. Герцогу нужен наследник. Это очевидно. Но я не думаю, что вы умрете, напротив, ожидаю, что вы проживете долгую счастливую жизнь. – Ее глаза смешливо заискрились. – У вас просто нет выбора. Это ваш долг.

– Надеюсь, вы не переоцениваете меня, мисс Хайтауэр.

Помнится, к тридцати годам Эдж хотел добиться большого успеха в жизни. Он хотел воспользоваться своим влиянием в парламенте, чтобы организовать больше рабочих мест для

людей, чей труд вытеснили механические станки, но продвигался гораздо медленнее, чем ожидал. Брак представлялся следующим логичным шагом после его работы. И он считал, что Лили в полной мере осознает это. Несколько раз он разговаривал с ней как со взрослым, зрелым человеком, описывал, каких результатов добился, упоминал, что о личном долге позаботится потом, и она кивала, демонстрируя полное понимание.

Теперь Лили стояла перед ним и, должно быть, ясно читала все чувства на его лице. Она вытянула руку, не касаясь его, держа ладонь над его рукавом, и улыбнулась:

– Так вы будете на нашем званом ужине на следующей неделе? И поухаживаете за моей сестрой?

– Нет.

– Нет? – Лили отступила, ее глаза округлились, а рука безвольно упала.

Повисло молчание.

– Вы уверены? – поколебавшись, осторожно промолвила она. – Вы не собираетесь жениться на Эбигейл?

Она смотрела на него пристальнее, чем Гонт, когда проверял, есть ли у хозяина пульс.

– Поверить не могу, что вы спрашиваете об этом.

Лили втянула в легкие воздух.

– У вас есть планы по поводу брака? – Ее голос повысился, а рука мягко проплыла по воздуху, словно касаясь маленьких макушек. – Семья. Наследники. Несколько детишек, прижимающихся друг к другу во время сна.

– Это ведь гораздо серьезнее, чем подойти к выводку котят и выбрать того, чей ор покажется самым здоровым. – Тут он вспомнил, как Лили упала с дерева, и спрятал улыбку. – Хотя я не возражаю против здорового ора.

– Согласна, – отозвалась Лили. – Но вы не можете не признать, что из моей сестры вышла бы хорошая герцогиня.

– Ваша сестра очень мила. Но я никогда не рассматривал ее как герцогиню. Никогда.

Она подняла на него глаза, и сердце Эджа замерло. Его мать была права. Лили действительно стала красивой, хотя ее замечание о сестре вряд ли стоило комментировать.

Из-за слов его отца все вокруг считали, что Эдж со временем женится на младшей сестре Хайтауэр. И Эджа вполне устраивало такое мнение. Это не давало ложных надежд матерям, пытавшимся привлечь его внимание к своим дочерям, и позволяло ему избегать флирта. Кроме того, он всегда знал, что однажды женится на Лили. Эдж решил это давно, и время от времени подобная мысль мелькала в его голове, каждый раз представляясь все более заманчивой. А еще он знал, что Лили чувствовала то же самое. Да и как могло быть иначе? Правда, он всегда сначала танцевал с ее сестрой и только потом – с Лили. Но только для того, чтобы побыть с ней подольше, без крутящейся рядом в ожидании своего танца Эбигейл.

И они не вели долгих разговоров, но Эдж и не думал, что это требовалось. Они просто стояли рядом, явно наслаждаясь обществом друг друга, наблюдая за остальными. Неужели это не свидетельствовало о его интересе? Он оставался допоздна на званых вечерах с музыкой и громкой болтовней, только чтобы провести некоторое время рядом с Лили. Он никогда не делал ничего подобного ради другой.

– Не будьте таким хмурым. – Сжав губы, она передразнила выражение его лица. – Звание вашей потенциальной невесты ничуть не обижало мою сестру. Совсем наоборот. Она получила лучшее образование и стала предметом зависти очень многих людей.

Что ж, похоже, Эдж совсем не понимал женщин.

– Так в тот день, когда вы упомянули, что ваш отец был бы очень счастлив, если бы в его семье появился герцог... – Выходит, он неверно истолковал эти слова. Эдж и подумать не мог, что речь шла о ее сестре, ведь той ночью кружился в вальсе с Лили.

Эдж точно знал, что она всегда была рада поговорить с ним с глазу на глаз. И когда она рассказывала о том, какой умницей растёт Эбигейл, он восхищался заботой Лили и думал, какой прекрасной матерью она станет... его детям. Он и представить себе не мог, что она допускает хоть малейший его интерес к Эбигейл.

– Эдж. – На сей раз губы Лили твердо сжались, и он понял, что это не шутки. – Я знаю, вы – благородный человек, и раз уж вы молчите, я начала волноваться, что мы неверно все поняли. Никто не станет ухаживать за ней, потому что ее считают вашей будущей невестой. Отец не одобряет других поклонников. Она останется старой девой, если прождет вас целую вечность, отвергая всех остальных, а вы в итоге выберете другую.

– Я ни разу не выказывал ни малейшего намерения жениться на Эбигейл, – ответил Эдж. Хотя, разумеется, он уделял Эбигейл повышенное внимание, ведь рассчитывал, что однажды она войдет в его семью. В качестве сестры его жены.

– Ладно, у отца так много денег, что, полагаю, мы без труда найдем ей мужа, – наморщила нос Лили. – И все же мне кажется, вам следовало сказать мне.

– Я думал, что продемонстрировал вам свои намерения.

– Намерения жениться на Эбигейл, – осуждающе подхватила Лили. – И она сказала, что устала ждать вас и твердо намерена выйти замуж до окончания года. Этот пункт входит в ее список дел.

– В ее список или в ваш?

– В ее, прямо над пунктом «Закончить вышивать картину». Эта картина никогда не попадет на стену. Но Эбигейл точно попадет в церковь... В моем списке тоже есть такой пункт. Найти сестре подходящую партию.

– Я приду на званый вечер, но...

Земля вдруг ушла из-под ног Эджа, словно он опять упал в воду. Его дыхание участилось. Что, если Лили откажется и не выйдет за него замуж?

Она подошла ближе, почти неразличимая под темной одеждой, и вытянула ладонь, вновь остановившись перед тем, как коснуться его руки.

– Спасибо, что сообщили мне. – Ее голос дрогнул.

– Лили...

Она пригладила край вуали, и при виде ее глаз, покрытых черной тканью, Эдж содрогнулся, словно опять оказавшись на волосок от смерти. При мысли о том, что Лили не будет частью его жизни, Эджа стала душить темнота.

Лили отступила и направилась к двери. Легкий цветочный аромат разнесся в воздухе, окутав Эджа.

Дуновение ее духов заставило его вскочить на ноги. Он не мог промолвить ни слова, даже если бы придумал, что сказать.

Эдж удержался от желания броситься следом. В памяти снова всплыло видение, посетившее его после пожара. Тогда он подумал было, что бредит, а выздоровев, отмахнулся от воспоминаний, не желая признавать, что его разум был настолько спутанным.

Но сейчас он понял: это не ангел сидел тогда у его кровати. Он осознал это в тот самый момент, когда его ноздри уловили цветочное благоухание: Лили была рядом с ним больным, успокаивая его мать.

Он смутно помнил маму, которая склонилась над ним, лежащим в кровати, пожелала ему счастливого дня рождения, уронила слезу ему на лицо и поспешила смахнуть ее, а потом, разразившись рыданиями, выбежала из комнаты.

Следом откуда-то из гостиной раздался голос Фоксворти, уверявшего, что беспокоиться не о чем, поскольку у брата Эджа подрастает три сына и есть кому передать титул.

Тогда гнев вспыхнул сквозь тлеющие остатки жизни, придав ему силы пошевелить рукой. Эдж собирался закончить последнее дело, а потом – умереть.

Он попытался согнуть пальцы, но не успел сделать это, как ангел взял его за руку и сжал, накрыв ладонью его кулак. Он ощущал прохладную кожу, освежавшую после душившей жары. Ангел облегчал его боль и забирал его из жизни.

Эдж дважды сжал эти пальцы.

Ангел в женском облике схватил его и оттолкнул на кровать, заставив боль пронзить все его тело. Но потом эта женщина обняла его, сжимая еще крепче. Локон ее волос щекотал ему нос, а ее цветочный аромат забивал запах комнаты больного. Ее прикосновение сработало лучше настойки опия, и боль утихла. Эдж вдохнул, пытаясь как можно дольше удержать в носу благоухание и запомнить ощущение щеки, прижимавшейся к его щеке.

– Выздоровливайте поскорее, – прошептала женщина ему на ухо.

Ее прикосновение заставило его кровь снова побежать по венам, а сердце – забиться, но, когда ее руки выпустили его пальцы, он не смог и шелохнуться, чтобы последовать за ней.

Он хотел, чтобы она осталась. Все в нем ныло от желания удержать ее, но это была совсем другая боль, не та резкая пульсация, еще совсем недавно кромсавшая его тело.

Та женщина наказала ему выздоравливать, и Эдж сделал это. Ради нее. Ради ангела. Ради Лили. И черт его возьми, если он не сделает ей предложение!

Глава 2

– Гонт! – Эджворт отошел от окна, увидев входящего камердинера. – Моя одежда готова?

– Ваша светлость? – вопросительно наклонил голову Гонт.

– Для небольшого соседского... – он махнул рукой и уселся у зеркала, перед которым обычно одевался, с удовольствием отмечая на своем лице былые признаки здоровья, – званого ужина. Разумеется, ты привел в порядок мою одежду. – Не отрывая взгляда от зеркала, Эдж с нажимом спросил: – Ты ведь приготовил мою одежду? Не забыл?

– Гм, да, ваша светлость. Конечно. – И Гонт бросился выполнять приказ.

Эджворт не шелохнулся. Только перехватил отразившийся в зеркале взгляд Гонта. Даже ответив с обычным невозмутимым почтением, камердинер на миг закатил глаза. В явном раздражении.

Эджворт уставился в зеркало. Гонт был единственным его камердинером – всегда. И верный слуга никогда ни о чем не забывал – это Эджворт прекрасно помнил. Он не говорил Гонту о званом вечере. Нет. Он был занят, пытаясь управиться со всеми этими обязанностями, отошедшими на второй план во время его болезни, к тому же планировал сделать предложение руки и сердца. Но это было не важно. Гонт был готов всегда.

Камердинер вернулся, сохраняя на лице извечное стоическое выражение. Он ловко собрал вещи, словно его заранее предупреждали об этом. Появилась теплая вода. Готовая одежда. Процедура бритья быстро закончилась брызгами аромата – Гонт уверял, что это благоухание настурции, но Эджворт подозревал, что это был обычный лосьон для бритья, перелитый в дорогостоящий пузырек.

Напоследок Эджворт придирчиво оглядел себя, хотя знал, что камердинер предупредил бы его о любом недостатке.

Герцог взял расческу и в который раз пробежал ею по волосам, после чего рассеянно положил ее на самый край стола, откуда она и упала на пол. Встав, он взял со стола сухое полотенце, провел им по щеке, скомкал ткань и бросил ее на пузырек с лосьоном. По пути к двери Эдж взглянул на лицо Гонта. В глазах слуги застыла невозмутимость.

Выйдя, герцог помедлил, закрывая дверь, но потом остановился и тихо открыл ее. Гонт поднял расческу и положил ее на привычное место. Потом, надув щеки, взял кусок фланели. Он выжимал ткань раз, потом другой, третий, словно скручивая кому-то шею. Наконец Гонт аккуратно разгладил фланель, положив ее четко на то место, где было удобно Эджу.

Аккуратно притворив дверь за собой, Эджворт застыл на месте. Полотенце не было влажным, и, будь это его шея, на званый вечер он бы не попал.

Лили подошла к комнате Эбигейл и заглянула внутрь. У сестры было лицо матери – идеальной сердцевидной формы – и доставшиеся от отца светлая кожа и белокурые волосы.

Лили считала собственные цвет кожи и волос наследством от своего настоящего отца. Как-то она видела того самого кузнеца, но в ту пору ей было невдомек, что мужчины могут передавать свои черты детям. И слава богу, что тогда она этого не знала.

Лили помнила, как мать дернула ее за руку, втягивая в невидимую стену жара и запаха копоти, отделявшую кузнечный цех от остального мира. И она увидела кузнеца: он напоминал мрачного великана-людоеда, стоявшего у огня, на котором жарилась его еда или куда запросто могла попасть любопытная маленькая девочка.

Его глаза не могли мерцать раскаленным докрасна светом – он ведь был человеком, – но в памяти Лили остались красные глаза, глыба огромных зубов и влажные волосы, острыми шипами на концах обрамлявшие его лицо.

Когда в газетах появились сплетни о ее рождении и она в полной мере осознала, что это означает, Лили содрогнулась. Судьба грубо выдернула ее из мира принцессы, и даже горничная бубнила что-то нелicenseприятное себе под нос. Хуже статуса незаконнорожденной была только мысль о том, какой была бы ее жизнь с человеком, на чьих темных стенах красовались длинные клещи.

Ночами Лили мучил один и тот же кошмар, в котором кузнец хватал ее этими клещами и бросал в огонь, смеясь и уверяя, что она уже не часть мира богачей.

Теперь же Лили оценивающе смотрела на сестру, словно благодаря за яркость, которую Эбигейл принесла в этот мир.

– Ты похожа на принцессу.

– Я и чувствую себя принцессой.

Лили улыбнулась и ушла, став спускаться по лестнице к танцевальному залу. Сегодня вечером, вместо того чтобы неодобрительно взирать на каждого мужчину, оказавшегося рядом с Эбигейл, она будет улыбаться и уйдет в тень.

Переведя дух, Лили вошла в зал, где в воздухе носился аромат заказанных по особому случаю свечей.

Она расправила короткие цельнокроенные рукава своего платья. Подобный наряд был моден три сезона назад, но у швеи ушли долгие месяцы, чтобы закончить вышивку на лифе и подоле.

Лили помедлила, заметив широкие плечи и основательную позу Эджворта. Рост и черты лица герцога не отличались от среднестатистических, выделялись лишь его плечи и глаза.

Его заметили все, это было очевидно, и леди поглядывали на него с осторожностью. Никто не хотел злить Эджворта. Даже она. Как обычно.

Но однажды, еще в детстве, Лили забрала себе книгу, оставленную им на скамейке у дома. Она знала, что Эдж вернется за книгой. И все равно пулей помчалась наверх, чуть не прикусив язык, когда споткнулась на ступенях. Лили бросилась в комнату Эбигейл, чтобы оттуда наблюдать за тем, что произойдет по соседству. Живая изгородь вокруг скамьи в ту пору не была такой густой, и Лили в ожидании замерла у окна.

Он вернулся и устался на пустое место.

Потом поднял взгляд. Лили держала книгу, отгороженная стеклом.

Эджворт показал на скамью, и именно тогда Лили впервые заметила, какие широкие у него плечи.

Он сделал шаг в ее сторону. Покачал пальцем. Вопреки ее ожиданиям он не расплылся в улыбке, а упер руку в бок.

Лили опустила тяжеленную книгу, не в силах больше держать ее на весу. Проказница открыла окно, вытащила наружу книгу, зажав ее в ладонях, и отпустила. А потом отскочила назад, закрыла окно и скрылась из поля зрения.

Оставшуюся часть дня Лили ждала, что ее вызовут и накажут, но никто и словечком не обмолвился об этом. Отец никогда не спустил бы ей такой проступок. Девчонки простых кровей не злят сыновей герцога.

А потом Эдж оставил на скамье еще одну книгу, и Лили забрала ее, понимая, что это предназначено ей. При виде названия она засмеялась. Лили так и не прочла ту книгу, но все-таки поставила ее в библиотеку отца. И всякий раз, проходя мимо, улыбалась, думая о том, что Эдж специально оставил эту книгу для нее.

Лили собиралась сказать ему при случае, что сожгла книгу, но в следующую встречу забыла упомянуть об этом. В то время она была слишком взволнована, рассказывая ему, что ее мать решила уехать из Лондона. Так матери больше не пришлось бы метаться между домами, своим и мужа. Лили с Эбигейл должны были остаться в городе.

Сейчас Лили спрашивала себя, почему всегда уделяла Эджворту так много внимания. Видимо, просто потому, что знала его всю свою жизнь.

Он скользнул глазами по залу, где собрались гости, не остановившись взглядом на ней. Внутри у Лили все перевернулось. Она знала, вне всякого сомнения, что Эджворт все равно видел ее, так же ясно, как в тот самый день, когда она забрала его книгу.

Глядя ему в глаза, Лили вспоминала историю о человеке, который схватил солнечные лучи и бросил их в корабли, чтобы воспламенить их, – только огни в глазах Эджворта были синими. Эти вспышки завораживали, напоминая блестящий наконечник меча в руках храброго рыцаря.

Притворяясь, что не замечает его, Лили подошла к столику с лимонадом. Она специально повернулась спиной к мужчинам, чтобы избежать соблазна наблюдать за Эджвортом. Услышав музыку, она улыбнулась. Это будет прекрасный вечер для Эбигейл.

– Мисс Хайтауэр.

Лили не удержалась от желания повернуться к раздававшему за спиной голосу, который она тут же узнала. Голос Эджа являл собой прямую противоположность его глазам. Возможно, именно это и очаровывало ее: холодные глаза, теплый голос...

Он обошел Лили, встав перед ней, и протянул ей бокал.

– Благодарю вас, – тихо произнесла Лили, с облегчением переключив внимание на лимонад. Она подняла глаза лишь на мгновение, стараясь не задерживать на Эдже взгляд.

Он коснулся ее локтя:

– Не желаете потанцевать?

– Нет. – Она посмотрела на свои ноги и призналась: – Туфли жмут.

Сегодня их общение было иным. Что-то изменилось. Что-то в нем, и Лили не могла понять, что именно. Почему-то танец с ним вдруг стал казаться делом чересчур интимным, хотя прежде она никогда этого не чувствовала. А еще Лили сильно сомневалась, что он уже подходил с приглашением к ее сестре.

– Вам не стоит носить то, что причиняет боль, – заметил он, глядя на ее ноги.

– Отчасти именно поэтому я не выношу подобные мероприятия, – выпалила она. – Ну не то чтобы совсем не выношу...

Лили и правда терпеть не могла все эти званые вечера. Она чувствовала себя посторонней, оказавшейся там, где ей не место. Даже гувернантки иногда могли похвастать лучшим происхождением, чем у нее. Собственно, одна из них как-то бросила подобное Лили. При этом воспоминании изнутри обожгло чувство вины. Она совсем не наивно передала все матери, и гувернантку отправили восвояси.

Лили вскинула подбородок:

– Вы похожи на себя прежнего – и хмуритесь так же.

Его губы растянулись в улыбке, которую он поспешил спрятать.

– По-моему, нельзя хмуриться от уха до уха.

– О, помилуйте, вам это удастся регулярно!

– Благодарю вас, мисс Хайтауэр. Ваше присутствие делает меня способным на такое, что раньше казалось мне невозможным. Вроде моего скорейшего выздоровления. Я помню, как вы навещали меня, когда я болел. Похоже, во мне было так много настойки опия, что я посчитал это видением.

– Я навестила вас, потому что у меня не было иного выбора, – улыбнулась она. – Ваша мать расхаживала у дома, рыдая и уже убедив себя, что вы не справитесь. Как раз вернулись зимние холода, начался дождь. Я упростила вашу мать позволить мне видеть вас, чтобы увести ее в дом.

– Спасибо.

– Я, может быть, и волновалась о вас немного. Самую малость, – снова пошутила она.

– Потому что предназначили мне роль мужа Эбигейл. – Его глаза сковало льдом.

– Не только – и вы это понимаете. Я знаю вас и вашу семью всю жизнь.

– Вы беспокоились бы точно так же, если бы заболел кто-то из моих братьев, Эндрю или Стивен?

– Конечно, – стояла на своем Лили. Эдж недоверчиво прищурился, и она смягчилась. – Но они никогда не были виновниками моих шрамов. Не пререкались со мной. И не пытались убедить меня, что единорогов не существует.

– Прекрасно. Ваша взяла. Помню, вы показывали мне рисунок, доказывавший их существование. Надеюсь, вам удалось накопить достаточно денег, чтобы купить себе единорога.

– Вместо него я купила куклу.

– А я ведь по-настоящему просил показать единорога, когда вы его купите. – Он всем корпусом повернулся к ней.

Лили опустила голову:

– Даже если так, меня не обмануло ваше добросердечие.

Они помолчали, предаваясь детским воспоминаниям.

– Я действительно благодарен вам за визит во время моей болезни, – мягко произнес Эдж. – Для меня это очень важно.

– Кто-то же должен был заставить вас подумать о своих манерах, – заметила Лили.

– Что? – вскинул брови он.

– Когда вам было плохо и Фокс сказал эту ужасную вещь, вы... вам и правда не следовало делать этого.

Эдж покачал головой, по-прежнему не понимая, о чем она говорит.

Лили уставилась перед собой невидящим взглядом:

– Тот жест. Неприличный.

– А... – пожал плечами Эдж. – Прошу меня простить. Я был вне себя от боли и лекарств и не осознавал, что вы находились рядом. Мы с Фоксом и моими братьями не всегда любезничаем друг с другом.

Лили покачала головой и осуждающе взглянула на него:

– Ваша мать стояла в дверном проеме. Мне пришлось позаботиться, чтобы она этого не видела. – Лили наклонилась ниже: – А потом вы прошептали то скверное ругательство.

– Я ничего не шептал.

– Прошептали. – Она посмотрела ему в глаза. – Мне пришлось перекрыть ваши слова своим голосом, чтобы заставить вас замолчать.

Произнося это, она внимательно изучала его лицо, но вряд ли видела эмоции – Эдж давно научился их прятать. Но за время болезни он стал другим человеком. В те мгновения, когда Лили сидела у его кровати, он нуждался в ней. Она знала это. Знала, что Эдж ни за что не захотел бы, чтобы ее сестра – или любая другая женщина – видела его покрытого испариной и мечущегося от боли, но не возражал против того, чтобы она, Лили, находилась рядом.

– Вы сжимали мою руку и называли меня ангелом. Это самое лучшее, что вы когда-либо мне говорили. – Понизив голос, она добавила: – Вы, должно быть, действительно были не в себе, раз так себя вели.

Он промолчал в ответ.

– О чем вы думаете? – спросила Лили.

– О том, что честность наполняет новыми силами.

– Разве все вокруг не честны с вами? Большею частью?

– Они говорят лишь то, что, по их разумению, я хочу услышать.

– Не придавайте этому значения. Большинство людей такие.

– Но это на самом деле важно. Большинство людей не скажут мне, что думаю, а ваши слова, похоже, отражают то, во что вы по-настоящему верите. Это совсем не то, что обычно принято говорить герцогу.

– Вам хотелось бы родиться вторым? – вдруг выпалила Лили.

Он пристально взглянул на нее:

– Нет. Ничуть. Я родился, чтобы стать тем, кто я есть. Как и все мы.

Из другой части зала до Лили донесся громкий взрыв смеха. Она рассеянно обернулась, думая о своем.

Лили не было предназначено стать той, кем она была. Ей лишь выпала несказанная удача жить в этом доме, а не в пышущей огнем яме.

– Ваша мать тоже родилась, чтобы стать герцогиней.

– Да, – согласился он. – Это же можно сказать и о вас.

Лили глотнула воздуха.

– Нет. Нельзя, – признала она, но на сердце потеплело от его учтивости. Эджворт знал толк в хороших манерах.

– Нельзя не согласиться, что я прав, – сказал он.

Музыка наполнила все вокруг, и Эджворт смотрел на Лили, явно ожидая услышать от нее нечто глубокомысленное. Увы, ей удалось выжать из себя лишь еле слышную невнятную благодарность.

– Приветствую всех. – Из-за спины Эджворта появился Фокс, нагло вклиниваясь в беседу. – Эджворт вытащил меня из имения, чтобы я смог присутствовать на этом вечере. Но когда я осознал, что увижу сестер Хайтауэр, я щедро возблагодарил его – даже притом, что одна из них... – он поднял лицо к потолку, похлопал глазами и будто приготовился свистнуть, – как-то сравнила меня с чрезвычайно важным гончарным изделием. – Фокс улыбнулся и пояснил: – Я пытался добиться поцелуя, и вы сказали мне, что лучше поцелуете ночной горшок.

– Это было мягкое внушение, – сказала Лили.

– Похоже на то. – Фокс захихикал и приставил ладонь к уху: – Я что, слышу музыку? – Он схватил ее за руку: – Потанцуйте со мной, пожалуйста, умоляю, чтобы я смог принести извинения за то, что был столь непочтителен в прошлом!

– Ты здесь не для того, чтобы производить впечатление на мисс Лили, – одернул его Эджворт.

Фоксворти выглядел удивленным, но его глаза засверкали.

– А я-то не сомневался, что нахожусь здесь, чтобы произвести впечатление на всех присутствующих женщин. Я уничтожен. – Он подмигнул Лили. – Но даже если вы не падаете в обморок от восторга, не окажете ли мне честь потанцевать со мной?

Эджворт сощурился и стиснул зубы.

Лили поспешила поставить бокал на стол и принять приглашение, чувствуя, что кузенов нужно немедленно развести по разным углам. Сердито зыркнув на Фокса, она умчалась танцевать.

Даже оказавшись спиной к Эджворту, Лили чувствовала, что он наблюдает за ней. По телу разлилось приятное тепло. Но ему не стоило волноваться. Все это общение с Фоксворти было сушей ерундой. Ему нравился определенный тип женщин, к которому она не относилась. Это Лили знала точно.

Фокс повернулся к ней, с улыбкой притягивая к себе. Он двигался в танце так быстро, что ей приходилось быть внимательной.

– Эджворт наблюдает за нами.

Фокс наклонился ближе и чуть не споткнулся о Лили, хотя всегда танцевал превосходно. Нахал. Лили ненавидела танцевать, и ей было трудно не отставать от шагов даже без валявшего дурака партнера.

Фокс повернул голову, и его глаза заблестели.

– А вот и ваша сестра! Я не видел ее целую вечность, – сказал он, не отрывая взгляда от Эбигейл.

– Она не для вас.

– В самом деле? – Сдвинув брови, Фокс тут же сосредоточил внимание на Лили.

– Она интересуется лишь мужчинами, питающими благородные намерения.

– Мои намерения благородны. Всегда, – заявил он.

Лили не ответила. Благородные намерения – как бы не так!

– Мисс Хайтауэр, вы смотрите на меня совсем как Эдж. Поблизости нет острых предметов, от которых мне лучше спрятаться?

– Если мы и не доверяем вам, то неспроста, и вы прекрасно это понимаете. От вас только и жди проблем.

– В отличие от Эджворта, я пытаюсь вести веселую жизнь. А он похож на своего отца. У меня в ушах до сих пор стоит голос дяди, внушавшего Эджу: «Ты – герцог в первую очередь, во вторую и в третью. Только это по-настоящему важно».

– Таков Эджворт.

– Да. Он станет точно таким же, как старый герцог. Остепенится, женится, потому что так велит долг. У него будет герцогиня. Идеальная семья. А спустя несколько лет он поймет, что ничто человеческое ему не чуждо. И вы понимаете, что тогда произойдет. Совсем как с его отцом. – Фокс на миг закрыл глаза и с видом мудреца покачал головой.

От его слов все перевернулось у Лили внутри. Она предпочла бы не будоражить воспоминания о старом герцоге.

– Я хочу прочувствовать жизнь во всех ее проявлениях, пока молод, и пережить все приключения, которых требует моя натура. – Фокс закружил ее в танце. – Вот когда я женюсь, тогда и стану счастливо, блаженно гнить в объятиях моей возлюбленной. Надеюсь, я вас успокоил.

– Фоксворти, – резко бросила Лили, – вы не способны меня успокоить. Вечно вы попадаете на страницы этой низкосортной газетенки, так обожаемой всеми сплетниками!

– Я фигурировал там лишь четырнадцать раз, и это с учетом одного происшествия, когда даже не упомянули мое имя.

– Вы несносны.

– Отнюдь. – Он посмотрел на свои ноги. – Например, я пропустил шаг в танце, зато стал ближе к вам. За что мне злиться на самого себя?

– Вам нравится, когда люди говорят о ваших промахах. Вы – распутник до мозга костей.

– Пусть так, но ведь я – чистое золото. – Они снова закружились по залу. – Признайте, что находите меня очаровательным.

– Я не так в этом уверена. Скорее у вас минимум обаяния, которое необходимо партнеру по танцу.

Фоксворти притих и перестал шутить, хотя остаток танца щедро одаривал Лили улыбками. Он действительно умел обворожительно смотреть в глаза, но, казалось, так и ждал от женщин восторженных обмороков. А Лили очень хотелось уйти уже в свою комнату, но она ни за что не оставила бы Эбигейл одну, в сопровождении лишь отца и тети.

По окончании танца Фокс очень точно остановил их пару рядом с Эджвортом.

– Во время танца мисс Хайтауэр довольно откровенно высказалась по поводу моего обаяния, – поведал Фокс Эджу. – Так откровенно, что мне прямо в голову ударило. Но... – Фокс выпустил ее руку. – Она была чудеснейшей партнершей, и слушать ее – одно удовольствие! – Он взглянул ей в глаза: – Благодарю вас. Я никогда-никогда не забуду мгновения, проведенные с вами. – И он обратил взор на Эбигейл, прижав руки к сердцу: – Еще одна мисс Хайтауэр! Нам несказанно повезло, что они обе присутствуют здесь. Пожалуйста, окажите мне честь потанцевать со мной.

Эбигейл приподнялась на цыпочки – увы, женщины не умеют летать, в противном случае она сейчас вспорхнула бы с пола.

– Почту за честь, лорд Фоксворти.

И он закружил ее по залу.

– Перестаньте буравить его глазами, – одернул Эдж. – Он и так слишком большого мнения о себе.

– Мне не нравится, что он так прижимается к Эбигейл.

– Совсем не прижимается.

– Он так и ест ее глазами. – Лили повернулась к Эджу: – И вы позволите, чтобы это сошло ему с рук?

Герцог не шелохнулся, лишь пренебрежительно фыркнул:

– Я настоял, чтобы он принял приглашение именно для этого.

Глаза Лили округлились. Это был не тот Эджворт, которого она знала всю жизнь.

Он взял ее под руку и повел обратно к напиткам и закускам. Потом наклонил к Лили голову, чтобы никто больше не смог его услышать:

– Когда вы сказали мне, что все считают, будто я интересуюсь вашей сестрой, мне пришлось донести до Фокса, что это не так. Я настоял на его присутствии здесь, чтобы изменить это мнение.

Она застыла на месте, в изумлении открыв рот:

– Вы, должно быть, шутите! Фоксворти?

Эдж кивнул.

– Но вы всегда... – не веря своим ушам, протянула Лили. – До меня доходили слухи, что вы предупредили всех мужчин...

– Держаться подальше от сестер Хайтауэр.

– Держаться подальше от Эбигейл.

– Скорее от Лили и ее сестры, которую она так оберегает.

– Потому что мы соседи. Потому что мы с Эбигейл часто крутились поблизости. – Она поднесла к губам бокал с лимонадом.

– Конечно, – согласился Эдж. – К тому же я не хотел, чтобы рядом с вами был другой мужчина.

Лили закашлялась, брызнув лимонадом ему на сюртук, и, задышавшись, прикрыла рот рукой. Потом спешно сделала еще один глоток, чтобы заглушить кашель.

– Прошу прощения, – прохрипела она.

– Ничего страшного.

Эдж вытащил носовой платок и протянул ей. Лили покачала головой. Не отрывая взгляда от нее, он смахнул капли лимонада с сюртука.

– Не могли бы вы повторить то, что сейчас сказали? – попросила она.

Музыканты стали играть тише, и мелодия полилась фоном, замедляя темп вечера. Справа от Лили компания пожилых джентльменов обсуждала недавнее решение канцлерского суда по поводу опеки над каким-то ребенком.

Эджворт отвел Лили в другую сторону, почти за музыкантами, используя их как буфер, чтобы никто не мог услышать их разговор.

Лили взглянула на него. Угадывать мысли Эджворта и в ярком свете было нелегко, а в тени и вовсе не представлялось возможным, так что оставалось только улавливать его тон. Эджворт смотрел на нее не менее пристально.

– Мы ведь всегда понимали друг друга, – промолвил он. – Вот и в этот раз я считал, что мы думали об одном и том же.

– Об одном и том же? – выпалила она. – Я знала, что вы... собираетесь посвататься к Эбигейл, и должна была позаботиться о том, чтобы она избежала неверных шагов. Вы, казалось, проявляли внимание...

– Вы ведь всегда вместе. Я не мог видеть вас, не встречаясь с ней.

– Со мной? – Она недоверчиво склонила голову набок.

Он прищурился:

– Да. Конечно.

– Вы знаете, насколько мы с Эбигейл разные. Она – легкомысленная, я же более... – Лили не могла подобрать слово, чтобы не обидеть саму себя. – Прагматичная.

– Прагматичная. Благоразумная. Это одно и то же.

– Я... – Ей никак не удавалось объяснить.

Герцогине полагалось всегда быть в центре внимания. Ее жизнь была полна шумных мероприятий и людей из высшего общества. Герцогиня общалась с членами королевской семьи. Другими представителями благородных кровей. С множеством людей. Людей, которым не нужны были низкопробные сплетни.

Лили скрестила руки на груди. Он никогда бы этого не понял.

– Почему вы ждали так долго, прежде чем сказать мне? – спросила она.

– Мы говорили об этом.

– Нет. Я бы запомнила. Точно.

– Хорошо, может, я и не произносил именно эти слова, но мне казалось, что вы питаете ко мне нежные чувства. Вы всегда говорили со мной так искренне!

– Я разговариваю искренне со всеми, – с нажимом произнесла Лили.

– Нет, это не так. Я наблюдал за вами. Вы – очень любезная, милая и... – Эдж подвинулся так, что они очутились совсем рядом, лицом к залу, – самая вежливая, мисс Лили Хайтауэр. Но со мной вы другая. Помните, как в юности вы сказали мне, что мой голос вдруг стал скрипучим, как колесо кареты?

– Я не знала, что с голосами мальчиков происходит нечто подобное. – Она вздохнула и отвела взгляд. – Мне стало интересно. И, судя по выражению вашего лица в тот день, вы вряд ли питали ко мне нежные чувства.

– Я и не питал. В тот момент, – его плечи чуть-чуть дернулись, – я думал, что мой голос останется таким навсегда.

И они снова взглянули друг другу в глаза. Повисло молчание, и Лили никак не могла придумать, как заполнить эту неловкую паузу.

– А что, если бы за мной кто-то ухаживал?

– Я набросился бы на него как ястреб.

– Вы могли спохватиться слишком поздно.

– Вот что я имел в виду, когда говорил о вашей искренности, – отозвался Эдж. – И я бы не опоздал.

– Вы слишком высокого мнения о себе.

– Меня так научили, – ответил он. – Вам бы это тоже не помешало. Быть высокого мнения о себе.

Лили стиснула зубы и промолчала.

– Мы знаем друг друга с детства. – Эдж подернул плечом. – Я думал, вы были такой сдержанной... потому что ждали меня.

– Нет. Не ждала. – Она покачала головой. – Я просто... жила. По соседству.

Он опустил глаза, но потом поднял взгляд на нее – и Лили впервые за все эти годы заметила на его лице эмоции. Его глаза не были холодными. Она почувствовала себя так, словно вот-вот растает на месте.

– Похоже, я серьезно ошибся, – заметил он.

– Мы дружим с давних времен, правда. И вы очень похожи на свою... семью. – Она подумала о его отце.

– Это неплохая жизнь, – заверил Эдж. – Я знаю вас с тех пор, как мне было шесть. Почему бы вам не стать моей герцогиней?

Он прекрасно знал, почему это невозможно. Как и все остальные.

– Это что, предложение? – спросила Лили. – Это не шутка – вроде той, когда я взяла вашу книгу, а вы потом оставили для меня учебник хороших манер?

Он придвинулся еще ближе:

– Я знал, что вы увидите записку.

– Там была записка? – повысила голос она.

– Да, – кивнул он.

– И что там было написано?

– Что вам потребуется это, когда вы станете герцогиней.

Эдж во все глаза смотрел на нее:

– Лили. Вы совсем перестали дышать.

Странно, но Лили вела себя так, будто он сказал, что ни за что на ней не женится – даже если она останется последней женщиной на земле.

– У меня другие планы, – одними губами произнесла она.

– Какие другие планы? – наклонился он к ней.

– Не знаю.

Эдж вспомнил, что в первый раз, когда увидел Лили, она спросила, умеет ли он рычать. Она подошла к скамье у дома его родителей, держа в каждой руке по бисквиту.

Абсолютно уверенный, что наследник титула обязан делать все, что велит чувство долга, он ответил:

– Конечно. Я умею практически все.

– Тогда порычите.

– Нет, – нахмурился он. – Я еще учусь.

– Лорд Лев не умеет рычать. И летать вы не умеете. Вы вообще ничего не умеете. Только читаете.

– Лорд Лайонел, – поправил он ее.

Она помедлила, изучая его лицо, словно не расслышала сказанное.

– Лайонел – это лев, который как птица пел. Львы рычат. Птицы летают. А вы не умеете ни того, ни другого. Я следила за вами.

– Лорд Лайонел, – стоял на своем он.

Лили окинула его мрачным взглядом:

– Если вы зарычите, лорд Лев как птица пел, получите бисквит. Вкусный. Кухарка готовит его только для меня.

Он протянул руку, но Лили отступила назад, покачивая головой.

И он зарычал. Высунув язык, Лили бросила ему бисквит. Он поймал бисквит одной рукой и снова зарычал. Она повернулась и, смеясь, понеслась к своему дому.

Это был вкусный апельсиновый бисквит.

Глава 3

Лили во все глаза смотрела на него. Эджворт не имел привычки задирать свой аристократический нос, свысока взирая на окружающих. И все же по положению он был недостижимо далеко, на самом верху.

– Нет, – ответила Лили на его предложение и, памятуя о хороших манерах, добавила: – Но от души благодарю вас. Это предложение – большая честь для меня. И величайший комплимент. Я буду с нежностью хранить в душе это мгновение. Всегда.

Его глаза все еще ослепляли синевой. А нос, кажется, и правда немного опустился.

– Я ведь поблагодарила вас, – прошептала Лили. Стань она герцогиней, точно оказалась бы в центре внимания. И хотя она не была виновата в том, что когда-то совершила ее мать, неизбежно появились бы сплетни, что она занимает непозволительно высокое для себя место.

Эджворт не шелхнулся с того мгновения, как услышал ее ответ.

– Вы сказали: «Нет». Одно это слово очень много значит.

– Не будете же вы картинно страдать, будто стрела пронзила вас в самое сердце, когда я не ответила согласием, – отозвалась Лили.

– Мне действительно очень больно.

Она опустила голову:

– Охотно верю. Наверное, это из-за потрясения вы не в состоянии продемонстрировать объявшаю вас глубокую печаль.

– Точно.

Она легонько подернула плечами, не соглашаясь с ним:

– Почему вы считаете меня подходящей на роль герцогини?

– Если бы вы согласились, я бы с удовольствием поведал вам об этом.

– Вы совершаете ошибку. Я...

Твердо сжав губы, он покачал головой:

– Вы не ошибка.

Все остальные звуки вечера померкли, и Лили всем существом обратилась в слух, ожидая ответа. Внутри все томительно перевернулось.

– Объясните.

Она ясно видела это в его глазах. Немногие осмеливались настаивать на ответе, когда он того не хотел. Он пристально смотрел на нее, но это был не острый как нож взор его отца, не колкий взгляд осуждающих глаз. Эдж словно вытягивал из себя мысли, с трудом выражая чувства словами.

– Я хорошо вас знаю, – резко разрубили воздух слова. – Учась в университете, я вспоминал, как вы со своей сестрой смеетесь. Я и учился усердно, чтобы потом, заняв свое место в палате лордов, сделать страну лучше для таких людей, как вы.

– Из-за смеха? – Теперь ее собственный голос скрипел как колесо.

– Мисс Хайтауэр, никогда не стоит недооценивать звук чистого невинного смеха.

– Никогда бы не подумала, что этого достаточно для предложения руки и сердца.

– Я не делал предложения, – пояснил он. – Просто обсуждал это с вами.

– Хорошо, это, конечно, совсем другое дело.

– Не совсем другое.

– Ну разумеется. – Она улыбнулась. – Если бы я слышала ваш смех, ответ наверняка был бы другим.

Лили покривила душой. Но, чувствуя угрызения совести за отказ, хотела смягчить ответ. Эдж промолчал.

– Когда вы в последний раз смеялись? – спросила Лили.

– Любой человек затруднился бы ответить на этот вопрос.
– Мне кажется, вам это гораздо труднее, чем остальным.
– Я и представить себе не мог, что такой простой вопрос обернется долгой беседой.
– Ваша светлость, вам следовало ожидать, что предложение руки и сердца перетечет в долгую беседу.

– Я пытаюсь не тратить время на пустую болтовню. – Он вскинул брови. – Вы никогда прежде не называли меня «ваша светлость».

– Уверена, что называла, – возразила она.

– Уверен, что нет. Обсуждение вопросов брака не должно отдалять нас друг от друга.

– Оно и не отдаляет, Эджворт.

– Вы нечасто зовете меня так. Обычно – лордом Лайонелом или Эджем, как мои братья. – Его глаза оставались бесстрастными. – И незадолго до моего несчастного случая вы назвали меня Эджи, чего я не мог простить несколько дней.

– Я повела себя по-детски. Пожалуйста, забудьте об этом.

Он чуть-чуть подался вперед, наклонившись к ее лицу, и еле слышно промолвил:

– Меня по-настоящему занимает один вопрос. Я задавался им много лет.

Лили застыла в ожидании.

– Кто такой болван?

Искоса взглянув на герцога, Лили наклонилась к нему:

– Кто? Кто такой... – Она совсем запуталась, не понимая, о чем думает сейчас Эдж.

– Не важно. По-моему, я это знаю. – В его голосе зазвучали веселые нотки, но в глазах сохранялась невозмутимость. Ни намек на шутку. Ни капли раздражения. Только спокойствие, словно он находился в полном одиночестве.

Если бы Лили могла изменить что-то одно в своей жизни, это был бы момент, когда она рассказала журналисту о внебрачном ребенке его отца. Эджворт ни за что не должен был узнать, что эта информация исходила от нее. Он никогда не простил бы ей этого.

Он отошел, в высшей степени учтиво оставив ее, и Лили почувствовала себя так, словно ее бросили у алтаря.

Сестра без стука пулей влетела к ней в комнату:

– Ты заметила, как долго Фоксворти смотрел мне в глаза после окончания нашего танца? Наверное, целую минуту. – Эбигейл уселась на кровати. – А то и еще дольше. Что ты думаешь?

– Это был незабываемый вечер.

Лили не помнила ничего из того, что происходило сегодня с Эбигейл. Она была поглощена своими переживаниями – приятными и не очень.

Сестра махнула рукой:

– Лорд Фоксворти... Правда ты не заметила, как он смотрел на меня? А после танца мы ускользнули в библиотеку, и он меня поцеловал. Это длилось совсем не пять секунд.

– Ты не должна рассказывать мне все эти вопиющие подробности, – буркнула Лили. – И уединяться с Фентоном Фоксворти.

Эбигейл вздохнула:

– Разве Фентон – не самое прекрасное имя?

– Не прекраснее, чем... я не знаю... Лайонел.

Эбигейл состроила гримасу и тихо произнесла:

– Он смотрел мне прямо в глаза. В самую глубину. Что-то произошло. Может быть, это любовь. С его стороны.

Лили фыркнула:

– Не вздумай в него влюбляться! С ним связывали такое множество женщин, что легче сосчитать тех, с кем он не крутил амуры!

– Любовь, – улынулась Эбигейл, и ее глаза затуманились. – Не могу сказать, что я совсем влюбилась. Немного. Это бесподобно! – Она вспорхнула с кровати и пристально взглянула на Лили, добавив: – Надеюсь, ты не ревнуешь к моей дружбе. Я заметила, что вы с ним стояли совсем близко.

Сердце громко стукнуло у Лили в груди. Перед мысленным взором предстало лицо герцога.

– Так о чем вы с Фоксворти разговаривали? – не унималась сестра.

– С Фоксворти? – рассеянно переспросила Лили.

Эбигейл захихикала:

– Это явно было гораздо приятнее, чем твоя беседа с герцогом. У вас были такие лица! Хорошо, что эти выражения не остались с вами навеки. – Она направилась к двери. – А вот если бы выражение лица, с которым Фоксворти смотрел на меня, отпечаталось навсегда... – Эбигейл вздохнула и сменила тему: – Пора завтракать. Отец за столом и наверняка уже закончил с едой.

Сестра ушла, а Лили поспешила заняться утренним туалетом.

Когда Лили подошла к столу, отец увлеченно читал газету. Эбигейл сидела слева от него, едва касаясь пищи и выводя вилок по джему замысловатые узоры.

– Фокс, похоже, считает, что герцог несколько не интересуется мной, – заметила Эбигейл.

Лили скользнула на свое место.

– Я пришла к тому же выводу.

Отец опустил газету, но не сказал ни слова.

– Фокс говорит, что я слишком жизнерадостна и очаровательна, чтобы тратить время на его скучного кузена.

– Вздор. Он – герцог, – бросил отец. – Общение с ним не может быть тратой времени.

– Возможно, все эти годы мы неверно истолковывали намерения его светлости, – заметила Лили.

– Исключено, – отрезал отец. – Я видел книгу.

– Какую книгу? – спросила Эбигейл.

– О хороших манерах. Ту, что ты, Эбигейл, поставила в библиотеку.

– Это я поставила ее туда, отец, – вклинулась Лили.

– А зачем тебе книга Эбигейл?

– Книга? – с недоумением переспросила Эбигейл.

– Эджворт подарил мне книгу о хороших манерах, – отмахнулась Лили.

– Он подарил тебе книгу? – Сестра резко повернулась к Лили, и ее глаза округлились. – Ты никогда мне об этом не рассказывала.

– А записка... – Отец пристально взглянул на старшую дочь. – Она была адресована тебе, Лили?

– Я никогда не оставляла никаких записок в книгах, – наморщила нос Эбигейл. – О чем там говорилось?

– Кое-что о том, что ты станешь герцогиней, – ответил отец.

– О! – Эбигейл прикрыла рукой рот. Потом перевела взгляд с Лили на отца, и ее глаза заискрились смехом. Она вскочила на ноги. – Эта записка – для Лили! Отец! – Эбигейл вытянула руку и ткнула пальцем чуть ли не в лицо сестры. Та отбросила палец. – Это было написано ей. Они с герцогом шептались в углу. Фоксворти пытался отвлечь меня и уверял, какая я красивая, – с чего бы это? Мы и так знаем, что это правда, но Фоксворти продолжал молоть обычный вздор, и все это время Лили с герцогом секретничали в уголке. Ты не заметил?

– Они всегда... – Отец смолк, его раздражение испарилось. Глядя на Лили, он задумчиво постучал подушечками пальцев друг о друга. – Значит, это была записка для тебя.

– Шутка, – отозвалась Лили.

– Хорошо... – Отец встал и окинул взглядом дочерей. – Это может изменить ваши планы. Но не мои. Я хочу, чтобы замужество увеличило ваши состояния.

Он положил руку на спинку стула и добавил:

– Помните, счастье за деньги не купишь, но несчастный богач должен пытаться сделать это. Я хочу, чтобы Эджворт стал моим зятем. И мне все равно, кто из вас двоих мне в этом поможет.

И он вышел из комнаты, провожаемый взглядом Лили.

– Так-так... – смеясь, закружилась Эбигейл. – Все вы настроены украсть моего ухажера.

– Нет. – Лили покачала головой, желая, чтобы Эбигейл постояла спокойно хоть секунду. – Эджворт неверно понимает – точнее, понимал – ситуацию.

Лили не вынесла бы пристального внимания к своей персоне. Люди стали бы глумиться: «А, это та дочь кузнеца, что вышла за герцога!»

– Знаешь, я должна бы расстроиться, что он предпочитает тебя мне, но чувствую скорее облегчение. Особенно учитывая то, что он мне совсем не нравится. – Эбигейл состроила гримасу. – Эджворт такой старомодный! Мне бы кого-то повеселее.

– Он просто серьезный.

– Да. Серьезный. – Сестра направилась к двери. – Слишком серьезный. Прямо как ты. Никогда прежде этого не замечала. – Эбигейл повернулась и, разом потеряв все свое достоинство, громко закричала: – Папа! Записка Лили еще в книге? Я должна это видеть!

Лили стиснула зубы. Эбигейл могла хотеть все что пожелает. Теперь учебник хороших манер был надежно спрятан под кроватью Лили, а записка, сложенная в форме закладки, скрывалась в кулинарной книге.

Стоя за распахнутыми занавесками в комнате Эбигейл, Лили ждала, когда герцог выйдет из своего дома. Ежевечерняя прогулка по саду была своего рода традицией. Его отец обычно гулял вечерами, иногда покуривая. Частенько Эдж тоже выходил в сад, и они беседовали. Лили несколько раз подслушивала их разговоры, впечатленная тем, сколько же говорил старый герцог. Но после нескольких таких вечеров потеряла всякий интерес к нотациям об обязанностях герцога.

Когда Эдж пострадал при несчастном случае, Лили поняла, что он находится в крайне тяжелом состоянии, поскольку его прогулки в саду прекратились. За одиннадцать дней он не появился здесь ни разу.

Теперь же Лили застыла в ожидании.

Наконец в поле зрения появилась одинокая фигура. Если бы Лили не вглядывалась, наверняка не заметила бы Эджа в сумерках. Он стоял, устремив глаза в вечернее небо.

Лили взяла из гардеробной шаль и укутала ею плечи, а на голову надела капор, оставив голубые ленты свободно развеиваться.

Перед выходом из дома она поправила капор и остановилась на ступенях, когда свежий воздух ударил ей в лицо. Но можно было не волноваться, ведь в такой темноте ее точно никто не увидел бы.

Во время недавнего визита к герцогу Лили пришлось ждать до заката. В противном случае по дороге в соседний дом ее могли заметить из всех окон, а она не могла оказаться замешанной в чем-то сомнительном. Лили удачно спряталась за траурным нарядом, но один слуга заметил ее возвращение и вышел к ней с метлой наперевес, решив, что в дом прокралась незнакомка.

Лили объяснила, что от солнца у нее разболелась голова, поэтому она решила защитить лицо и надеть темную одежду. Слуга в ответ недоуменно выгнул бровь, но допытываться дальше не стал.

Если бы Лили сказала, что вдруг заинтересовалась садоводством на ночь глядя, никто бы ей не поверил.

Она не могла допустить, чтобы кто-то счел ее похожей на мать – особенно Эджворт.

В прессе долго ни словом не упоминали ее семью, и Лили не хотела, чтобы это изменилось. Нелестные слова, казалось, совсем не прилипали к людям, которые поколениями жили в Лондоне, но цеплялись к ее семье, причем надолго. Все вокруг считали, что ее отец купил себе путь в высшее общество, и в некотором роде так и было.

Переведя дыхание, Лили пошла вперед. Видимо, она все-таки ничем не отличалась от своей матери.

Звук ее шагов приглушала влажная от росы трава. Лили заставила себя сбавить темп и вдохнула витавший вокруг нее в ночи аромат жимолости. А потом осторожно остановила взгляд на Эджворте.

Заметив ее, герцог развернулся и тоже втянул в себя воздух. Теперь Лили не могла видеть глаза Эджа, но чувствовала, как он занимает собой все пространство.

Она сделала реверанс, но не опустила голову. Скамья, скрытая в свете дня полукругом живой изгороди, маячила слева. Лили не могла разглядеть скамью в темноте, но все же прошла прямо к ней и села.

Эдж решительно направился к Лили, словно сам пригласил ее в сад и давно ожидал там.

– Вы должны отвести Фокса от моей сестры, – тихо произнесла Лили, осознав, что Эдж не начнет разговор первым. – По просьбе Эбигейл папа подыскивает ей жениха.

– Это его обязанность – заниматься будущим своих дочерей.

– Прежде он никогда ничего специально не предпринимал. Но теперь он подходит к этому по-деловому и относится так серьезно, словно речь идет о его бухгалтерской книге.

– Мое имя тоже фигурирует в этой бухгалтерии? – спросил Эдж.

– Конечно. Но теперь он знает, что вас не интересует Эбигейл.

– А что он говорил о ваших перспективах?

– Что это не важно, – ответила она, – раз я не ставлю перед собой такую цель.

– Каждому хочется, чтобы в жизни был человек, который ставит его выше всех остальных и которого ставит выше всех остальных он. Эгоистично, может быть. Но такова людская натура.

Лили стиснула зубы, и на мгновение воцарилось молчание.

– Если бы люди следовали за своей натурой...

– Большинство людей именно так и поступают.

– А вы?

Подумав, он промолвил:

– У меня натура педантичная. Склонная действовать по плану.

Их снова окутала тишина.

– Ваша светлость, – произнесла Лили мягче, без намека на бывшее ехидство.

– Мисс Лили, – его голос понизился почти до шепота, – говорите мне все, что хотите. Всегда.

Лили поднялась:

– Мне все равно, что творит ваш кузен. Но я всерьез опасаясь, что моей сестре сделают больно.

Она подошла ближе. При свете дня это представлялось бы неподобающе близким, но ей нужно было взглянуть Эджу в глаза.

Она вскинула руку и легонько щелкнула ногтем по своему переднему зубу.

– Вы замечали, какие белые у него зубы. – Ветер трепал ее капор, и Лили схватила другой рукой развевавшиеся ленты.

– Зубы? – прищурившись, переспросил Эдж. – Какое мне дело до зубов Фоксворти? Меня это не волнует.

– А вот моя сестра заметила. Эбигейл считает, что у него самый восхитительный рот, который она когда-либо видела.

– Это всего лишь зубы. Ему повезло, что никто их ему еще не выбил.

– Это уничтожило бы мою сестру, – вздохнула Лили. – Она замечает в нем все, вплоть до мелочей.

– Фокс вдохновляет на подобную чепуху.

Ее губы чуть дрогнули.

– Я спрашивала ее о вас. – Лили в который раз не заметила у этой невозмутимой каменной глыбы хоть искру эмоций.

Эдж подался вперед, но Лили показалось, что его не слишком интересуют слова ее сестры. Лили почувствовала, что он слушает с таким вниманием, чтобы оценить ее взгляд на ситуацию, а не узнать мнение Эбигейл.

– Она думает, что у вас тоже красивые зубы, но не так в этом уверена.

Он дернул бровями, словно отмахиваясь от этих слов.

– Мило.

Похоже, он нашел это смешным, но сдержал улыбку.

– И я спрашивала ее о ваших волосах, когда она заметила, что волосы Фоксворти при влажной погоде завиваются милыми кудряшками, – выпалила Лили. – Она как-то видела, что он забежал в дом, когда начался дождь.

– Значит, он гораздо умнее, чем я думал, раз догадался спастись от дождя.

– Вы не можете позволить ему крутиться около моей сестры.

– Они были бы хорошей парой. – В его словах прозвучала решимость.

– Нет, – потрясенно выдохнула Лили.

– По-моему, Фоксворти готов остепениться. Ваша сестра может удержать его внимание.

– Ни у одной женщины не хватит на это очарования.

– Брак утихомирит его.

– Вы хотите разрушить будущее моей сестры!

– Под всей этой мишурой Фокс – славный мальчик.

– Я в это не верю. Он отнюдь не добродетелен. Да что там говорить, он – прохвост!

Перелетает от одной женщины к другой.

– Он взрослеет.

– И лет через двадцать конечно же станет для кого-нибудь лучшим из мужей. Но я переживаю о завтрашнем дне. До того как уехать навестить тетю, Эбигейл сказала, что отец пригласил вас и Фокса к нам домой, чтобы обсудить какие-то инвестиции. Это плохо замаскированная попытка сватовства.

Он делано изумился:

– Ах, ну надо же, я просто потрясен!

– Сарказм? Да, ваша светлость?

– Я послал своего делового помощника к вашему отцу спросить, не знает ли он какие-нибудь коммерческие предприятия, в которые мы с Фоксом могли бы вложить капитал. Ничего особенного.

– О боже. – Она приложила ладонь к щеке. – Вы не можете так его обнадеживать! Герцог и сын графа пожалуют к нему домой, чтобы обсуждать дела!

– Он весьма сведущ в инвестициях.

– Да. И он обсудит некие долгосрочные инвестиции для своих дочерей.

– И что здесь плохого?

– Я волнуюсь об Эбигейл. Ей нужен брак. – Лили взглянула ему в глаза. – А Фоксворти интересуют совсем другие отношения.

Его лицо снова стало бесстрастным. Он сделал шаг в сторону и поставил ногу на скамью, но дальше от этого не стал. Наоборот, наклонился к Лили, положив руку на согнутую ногу. Почти покорный, что, разумеется, было обманчивым впечатлением. Лев, который отступает, зевая и притворяясь, будто не видит добычу, позволяя ей подходить все ближе и ближе.

– Скажите честно, что именно требуется вам, чтобы рискнуть долгосрочной инвестицией?

– Я не должна рисковать и не считаю это необходимым. Я могу жить своей жизнью так, как мне хочется, без потрясений.

– Жизнь без потрясений со временем перестанет вас устраивать.

– Я побеспокоюсь об этом, когда такой момент наступит.

– В моей жизни этот момент уже настал. Раз уж я не могу жить вечно, мне пора подумать о женитьбе.

– Вы без труда найдете невесту, стоит лишь сказать, что вы – герцог. – Лили отступила чуть дальше, и Эдж заметил это.

– Пока не срабатывает, – еле слышно ответил он.

Она старательно держалась на расстоянии.

– Опишите лучшие качества жениха. Это поможет мне произвести на кого-нибудь впечатление.

Лили уловила акцент, который Эдж сделал на слове «кого-нибудь», и нежность, появившуюся в его глазах при взгляде на нее, и сердце заколотилось у нее в груди. Она сжала в пальцах ткань юбки.

– Ухаживая за будущей женой, нельзя притворяться. – Лили придвинулась ближе, и теперь он мог хорошо видеть ее. – Нужно оставаться самим собой.

– Согласен, – категорично произнес он. – Скажите, что требуется от мужчины, чтобы заинтересовать вас в качестве претендента на руку и сердце?

– Никогда всерьез не задумывалась об этом, потому что сама природа брака представляется мне фальшивой. На меня, в отличие от вас, не давит необходимость продолжения рода.

– Жаль, потому что вы стали бы хорошей матерью. Вы с таким вниманием заботились о своей сестре!

– У меня не было выбора.

– Никто не осудил бы вас, веди вы себя иначе.

– Но она – моя сестра, и мне это нетрудно. Я сама осудила бы себя. А теперь я боюсь, что не могу отвести ее от этого распутника, который разобьет ей сердце или обесчестит ее.

– Вы не можете управлять чужой жизнью. А вдруг они подходят друг другу?

– Так вы поможете мне удержать Фоксворти на расстоянии от Эбигейл? – спросила она.

– Нет. Это их жизни.

– Но она моя сестра, и я не хочу, чтобы она была... – Лили никак не могла найти верное слово. Несчастной. Да, несчастной, как в свое время их мать. Разлученная с мужем и высшим обществом. Попавшая в ловушку неудачного брака.

– Пусть этот роман утихнет сам собой. Не можете ведь вы разлучать их!

– Я думала, вы мне поможете.

– Помогу. Пусть все идет своим чередом, и вскоре Фокс потеряет к ней интерес. А если нет, они могут составить хорошую пару. – Он убрал ногу со скамьи.

Перед Лили стоял уже не Эдж – его светлость. Впрочем, ей хотелось задать вопрос именно герцогу.

– Почему вы обратили внимание на меня?

Он махнул рукой в сторону ее дома:

– Вы живете...

– Как и Эбигейл.

– Да.

Лили снова унеслась мыслями в детство.

– Помните, как вы кричали на меня?

– Я не кричал.

– Вы сказали, что должны учиться, а мне следует играть в своем саду. Не в вашем.

– Наверное, я был занят учебой. Мне никак не давался греческий язык. Трудно было сосредоточиться, когда вы спрашивали значение каждого слова, которое я произносил.

– В тот день я должна была вернуться в дом своей матери, и бабушка сказала мне, что мама не любит нас и предпочла остаться в загородном имении. Это был ужасный день.

Лили было почти десять, когда мать переехала в дом неподалеку. Но раздельная жизнь родителей не удалась – точно так же, как и их брак. У них не получалось жить порознь до юности Лили, когда случилась одна тихая – вполне себе обычная – ссора и нечто мрачное тенью легло на их лица.

– Я был бы добрее, если бы знал об этом, – промолвил Эдж.

– Это ничего не изменило бы. Мне стоило привыкнуть к ссорам. Мои родители не могли жить вместе и не могли жить порознь. Вплоть до... ну вы знаете эту историю.

– Да. Помню. Ваша мать уехала из дома, когда вышли в свет мемуары Софии.

– Незадолго до этого. Они с Софией были подругами, потом возникли какие-то разногласия. Не сомневаюсь: мама понимала, что София использует эту книгу как шанс поквитаться с ней. – Лили покачала головой. – Я и не знала, что такое спокойствие, пока она наконец не уехала.

– И вы уже не так часто выходили из дома.

– Меня просто никуда не приглашали.

– Я имел в виду прогулки в саду. Прежде вы проводили на свежем воздухе много-много часов.

Она засмеялась:

– Отчасти так выражался мой молчаливый протест. Мама как-то сказала, что солнце испортит мою кожу и никто не захочет на мне жениться.

Лили едва расслышала, как он буркнул:

– Я думал, вы проводили время со мной, потому что хотели в будущем стать герцогиней.

– Вы делали мой протест гораздо приятнее.

– А вы делали мою учебу более терпимой.

– Вы завидовали свободе, которой пользовались остальные?

Он покачал головой:

– Мне повезло. «Твой долг – это привилегия». Моя мать твердила это постоянно.

Тишина снова окружила, но не разделила их. На сей раз молчание нарушил Эдж:

– Хотя мне было любопытно, какая она – другая жизнь. Странно было бы не иметь никакой цели, и мне это чуждо. Поэтому я не протестовал против такой удачи – получить лучшее от жизни. Но обычная жизнь – остальная жизнь – настолько далека от меня... Как я могу достойно представлять страну, не понимая всего этого?

– Так вот почему вы обратили внимание на меня! Из-за моей заурядности?

– Лили, не вкладывайте слова мне в уста.

– Я хочу знать, о чем вы на самом деле думаете.

– Тогда не делайте поспешных выводов из моих слов.

Лили выпустила из пальцев ткань юбки, которую до сих пор сжимала.

– Вас так долго учили быть герцогом, что я задаюсь вопросом: ваши слова – это то, что вы на самом деле чувствуете, или то, что вас научили чувствовать?

– Разве это важно? – отчеканил он.

– Однажды может стать важным. Если вы собираетесь жениться только потому, что так велит вам долг.

До нее донеслось его еле слышное сдержанное дыхание.

– Во время болезни я слышал у своей постели разные голоса, но мне не хотелось говорить или даже открывать глаза. Мой брат Эндрю спросил: «Думаешь, он умрет сегодня вечером?» И другой мой брат, Стивен, ответил, что этого не произойдет. А мне было все равно.

Лили вновь уловила аромат жимолости, и на сей раз ее замутило от сладости. Эдж был бледным, его глаза казались такими странными...

– Моя семья собралась вокруг меня, но все держались в отдалении. Мать подошла ближе, но только на какую-то секунду. Мои ожоги не были заразными, о чем должны были знать все мои близкие. И все равно они стояли в стороне.

– Но они были с вами. Вы наверняка не хотели, чтобы они грудились вокруг вас, мешая дышать.

– Не хотел. Но чувствовал, что жизнь потрачена впустую. Вся моя работа вдруг потеряла важность.

– Так теперь вы хотите позаботиться о появлении наследника? – оторвала его от воспоминаний Лили.

– Нет, – хлестнуло воздух тихое слово. – Я лишь хочу сделать все возможное в оставшееся у меня время. Меня учили быть герцогом, и я делаю то, что должен. Совершаю какие-то шаги и верю в их правильность. Но хочу от жизни большего.

– Малой толики заурядности? Жену, которая живет на окраине светского общества?

– Ну и что?

– Может статься, через несколько лет вы очнетесь и осознаете себя герцогом до мозга костей. поймете, что нынешние слова были лишь реакцией на опасную ситуацию, едва не стоившую вам жизни. Тогда вам наверняка захочется видеть рядом жену, по праву принадлежащую высшему обществу и обладающую столь же впечатляющей родословной, как ваша.

– Мне наверняка захочется видеть рядом жену, которая будет держать меня за руку, когда я лежу при смерти, и которая будет тосковать по мне.

– Не думаю, что это обязательное условие брака.

– Должно быть обязательным.

– Да. Но если уж на то пошло, брак скорее разделяет людей, чем сближает, – заметила Лили.

– У моих родителей был хороший брак – большей частью.

– Вы можете нанять кого-то, чтобы вас держали за руку, тосковали без вас. Брак утомляет. Я понимаю вашу потребность иметь наследников. И вам стоит найти кого-то, кто сможет стоять с вами у всех на виду и создавать мир, который вы желаете. – Она отстранилась, добавив: – Но не стоит доверять кому-то свое сердце. Это слишком рискованная инвестиция, и на возврат капитала рассчитывать не приходится.

Глава 4

– Я видела, как ты вернулась из сада, – затараторила Эбигейл, стоило Лили подняться на вершину лестницы. Глаза сестры весело сияли. – Ты разговаривала с герцогом. – Она подпрыгнула на каблуках. – О чем? Планировали дату свадьбы?

Все мысли вылетели у Лили из головы, и она прошла мимо сестры.

– Нет. Мы не поженимся. Просто болтали. О прошлом. О его учебе. Ты хорошо провела время в гостях у тети?

Эбигейл направилась за ней:

– Неудивительно, что ты так хотела узнать, будет ли Эджворт ухаживать за мной. Ты увлечена им.

Лили вошла в гостиную.

– Хорошо, в нем есть свое очарование. Но он держится отчужденно. Сама знаешь. – Она окинула взором комнату. – Наверное, было бы неплохо выпить по чашечке чая?

– Я хорошо знаю, какой он, – ответила Эбигейл, не отвлекаясь на тему чаепития. – Именно поэтому мысль о том, что он не хочет брать меня в герцогини, приносит мне облегчение. Мне всегда гораздо больше нравился его кузен. Фоксворти такой интересный! А Эджворт – просто зануда.

– Это лишь внешнее впечатление об Эджворте. Он гораздо интереснее.

– Он напоминает своего отца. Помнишь, ты говорила, что старый герцог всегда смотрит на тебя так, словно ты в чем-то опозорилась. У Эджворта такой же взгляд.

– Нет. Он не такой самодовольный.

– Хорошо, старый герцог, возможно, тоже таким не был. Помнишь время, когда он приказал кучеру выйти из кареты, чтобы мы смогли в ней играть?

Лили кивнула:

– Это был первый раз, когда мы вернулись из дома мамы.

Эбигейл подошла к дивану. На нем лежали ее сумочка и два пакета. Из одного пакета выглядывали перчатки.

Лили помолчала, вспоминая лицо Эджворта.

– Эджворт серьезно относится к жизни. А его отец серьезно относился к себе.

– У старого герцога не было к нам такой ненависти, как ты думала. Осознав, что мы стали свидетельницами его встречи с любовницей в доме нашей матери, он чуть не задохнулся от ужаса.

Эбигейл вытянула руку в перчатке, демонстрируя Лили покупки. Лили рассеянно кивнула:

– Я этого не помню.

– Ты его не видела. Он ушел, как только снова смог дышать. После этого он так злобно смотрел на нас, потому что чувствовал себя виноватым. Мы знали его секрет. Видимо, он хотел запугать нас. Ему, разумеется, не нравилось, когда герцогиня приглашала нас на чай. – Эбигейл сдернула с руки перчатку.

– Ему приходилось любезничать с нами.

– Да. – Сестра наморщила нос. – Но ты-то точно не выказывала ему почтения с тех пор, как узнала о его неверности герцогине. Ты была о нем ужасного мнения. И так злилась, когда подруга мамы пришла к нам и рассказала, что скоро родится его внебрачный ребенок!

– Но я не могла сказать ни слова. Мама была бы... расстроена. Это выбило бы ее из колеи. Она ведь считала шуткой то, что ее подруга предается любовным играм со старым герцогом. Даже поощряла это.

– Знаю, – хмыкнула Эбигейл.

– Она выматывала меня, – призналась Лили. И вспомнила, что во время совместной жизни родителей отец относился к матери не намного лучше старого герцога. Он словно еле терпел ее рядом и всегда улыбался так снисходительно... Жена была недостойна его. Он всем вокруг давал понять, что считает их брак ошибкой.

А ведь когда-то отец был без ума от матери... Но это продолжалось недолго. Грандиозная любовь превратилась в тяжкую обязанность. Помнится, бабушка по папиной линии рассказывала, как ее сын убедил сам себя, что влюбился в первую встречную. «И это был полный восторг!» – ехидно фыркала старуха.

Эбигейл закатила глаза:

– Не позволяй прошлому причинять тебе боль. Все кончено. Ты ведь всегда была зрелой. И благоразумной. Или просто старомодной? Вечно ты сыпешь какими-то древними шутками!

– Убирайся прочь.

– Нет, я не доставлю тебе такого удовольствия, убравшись вслед за мамой! Но я рада, что она уехала. Теперь я могу влюбляться, не слушая ее нотаций.

– Любовь... – пробормотала Лили. – Мать и ее подруги наглядно продемонстрировали мне, насколько она «чудесна».

– Лили...

– Ты можешь назвать хотя бы одного человека, который был бы счастлив и при этом влюблен?

– Ладно, нет, – признала Эбигейл. – Но это чувство существует. Я уверена в этом.

– Может, проще купить единорога? – с иронией спросила Лили.

– Нет, – засмеялась Эбигейл. – А вот ты все еще копила бы на него, если бы отец не сказал, что единороги стоят больше миллиона фунтов.

– Хорошо, что я переросла этот период жизни. И как я вообще могла в это верить? – удивилась Лили.

– Не все мужчины доставляют неприятности, – вернулась к теме Эбигейл.

Лили понимала, что это правда. Но отец Эджворта когда-то доставил неприятности своей семье. Он так взбесил Лили, что она, сама того не желая, причинила боль герцогине. Дала волю эмоциям, за что с тех пор и мучилась угрызениями совести.

Эбигейл скользнула в гостиную, и Лили зашла следом, чувствуя, как покалывает кожу при мысли о новой встрече с Эджвортом.

Отец сидел на своем обычном месте, одетый так, словно собирался на ужин с королем. При появлении дочерей он поднялся.

Двое гостей уже стояли. Фокс опирался на каминную полку, и все его зубы, как звезды в ночном небе, сияли лишь для Эбигейл. Лили сосредоточилась на Эджворте с его обычным бесстрастным взглядом.

Он встретил взор Лили. Потом еле заметно кивнул и приподнял бокал в приветственном жесте, который могла видеть только она.

– Леди, – провозгласил отец, – Эджворт и Фоксворти были так любезны, что согласились остаться на ужин.

Эбигейл просияла улыбкой, не сводя глаз с Фоксворти:

– О, замечательно!

Сестра опустилась на диван, Лили села напротив Эджа, старательно избегая смотреть в его сторону, но глаза не желали слушаться.

Он наблюдал за присутствующими, изредка вставляя пару слов. Видимо, он рано научился этому высокомерному взгляду. Лили представила его ребенком, бросавшим такой взор на няню, когда та протягивала ему ложку овсянки.

Мужчины обсуждали скорость почтовых карет, и Эбигейл сказала, что ей хотелось бы путешествовать в таком экипаже и мчаться на безумной скорости. Фокс в подробностях рассказал Эбигейл о своей поездке в такой карете, а отец упомянул о своем путешествии, но затмить Фокса ему не удалось. О чем бы ни говорил Фокс, на всем лежал отпечаток приключений.

Отец лучезарно улыбался, а Эдж просто наблюдал, еле-еле поддерживая беседу. Опершись о подлокотник кресла, Лили вспоминала, как однажды спросила лорда Лайонела, о чем написано в его книге, и он стал говорить о каком-то Вильгельме Оранском, о войнах, королях и королевах. Он все говорил и говорил, а Лили вдруг встала и сказала, что с нее хватит. Ей не нужен был учитель, потому что она уже поняла о прошлом главное. Люди в ту пору были злыми.

Тогда лорд Лайонел бросился объяснять, как важна история, и уверял в этом так неистово, что Лили показалось, будто он бранит ее. Так Лили и стояла, растерянно моргая, а потом он заметил это и залиvisto засмеялся.

Теперь же Лили подняла взгляд и чуть не утонула в его бездонных синих глазах.

Эдж стоял, выпрямив спину. Истинный герцог во всем. Он сказал что-то о неустойках, но Лили не вслушивалась в его слова. Лишь заметила, что его голос звучал величественнее остальных.

Эдж заметил, что Лили наблюдает за ним. Он еле заметно наклонил голову, на мгновение прервавшись на полуслове. А потом пронзил ее взглядом, заставившим Лили на миг закрыть глаза. Наконец Эдж повернулся к кузену и включился в разговор:

– Это Фокс еще не рассказывает историю о том, как его поймали охотники на воров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.